

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЫЕЗДА НА МОСКОВСКУЮ СЛУЖБУ (О ПРЕДКАХ
ЧААДАЕВЫХ)

подавая 10 мая 1687 (7195) г. свою родословную роспись в Палату родословных дел Разрядного приказа, Чаадаевы назвали своим родоначальником Григория Чагадая, потомка Григория Протасьевича. Последнего своим предком считали также Протасовы, Протасьевы, Борисовы-Муромские и Чертковы¹. В родословной Чаадаевых сказано: «К великому князю Василью Васильевичу всеа России, владеющему в Мценску вельможа Григорей Протасьевич из владенья великого князя литовского приехал к Москве служить с сыном своим Иваном Раслом, прозвища Ивятия, и со внучатами своими, а с ево Ивановыми детьми с Матвеем, с Кононом, с Аристом... У Матфея сын Григорий, прозвище Чагадай, и от него Григорья пошли Чаадаевы»². Протасьевы считали себя потомками Конона, которого называли старшим из братьев. «У Конона Иванова сына дети: Акинф, Клементей, Протасей бездетен, Илья бездетен, Степан бездетен, Алексей...»³. В родословной Протасовых записано, что «у Григорья (Протасьевича. — И. П.) было два сына Степан да Василий Протасьевы, а у Степана сын Александр, а у Василья сын Савелий...»⁴. Таким образом, все приведенные родословные упоминают Григория Протасьевича, но по-разному и, как выясняется, неверно называют его первых потомков (может быть, ближе других к истине данные Протасовых). Этот человек представляет интерес не только как предполагаемый предок нескольких русских родов. Примечательна сама по себе история его выезда на московскую службу. Многие более или менее известные фамилии вели отсчет своей службы московским великим князьям именно со времени правления Василия Темного (например, Барановы, Бахметевы, Дубенские, Ельчаниновы, Еропкины, Мерлины, Нарбековы, Нелединские-Мелецкие, Ростопчины, Талызины, Теглевы, Чеглоковы, Чемодановы), но лишь в отношении Григория Протасьевича факт выезда подтверждается источниками.

В 20–30-е г. XV в. Григорий Протасьевич действительно был воеводой в Мценске. Одоевское княжество, с которым источники связывают Григория, в начале 20-х г. находилось в зависимости и от Литвы, и от Москвы, но ко второй половине 20-х г. Москва утратила здесь свое влияние⁵. Летописи упоминают об активном участии Григория Протасьевича в боевых действиях. Осенью 1422 (6930) г. царь Борак «приходи къ Одоеву ратью и отъиде прочь города не возьмь, а зло учинивъ, и отоиде с полоном в поле. И князь Юрьи Романович Одуевъскы да Григорей Мценъскы (некоторые летописи уточняют, что «Григорей Протасьевич, воевода мценъский») състигъ его били и полонъ отъимали»⁶. Упоминание Григория вместе с одоевским князем

¹ Лихачев Н. П. По поводу трудов Ярославской губернской архивной комиссии. СПб., 1893. С. 31–32; АСЭИ. Т. I. С. 610. Комментарии к № 253; Т. III. С. 503. Комментарии к № 283.

² РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 1002–1002 об.

³ АСЭИ. Т. III. С. 503. Комментарии к № 283.

⁴ Лихачев Н. П. По поводу трудов Ярославской губернской архивной комиссии. С. 31–32.

⁵ Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 93–94, 102.

⁶ Московский летописный свод конца XV века (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 245). Под тем же годом в Львовской и Софийской второй летописи (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 232; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 2. Стб. 50, но в Воскресенском списке — под 6932 г.). Под 6931 г. — в Вологодско-Пермской, Софийской первой, Никоноровской летописях и Сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 г. (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 182; ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 142; ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 142; ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 100, 268, 342). Юрий Романович — новосильский князь. С 40-х г. — новосильские князья стали называться одоевскими, из-за разорения Новосили (Колычева Е. И. Новосильско-Одоевская корпорация и судьбы ее представителей в XV в. // Международная конференция. Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. I. С. 201).

хотелось бы связать с докончанием князей новосильских и одоевских Ивана Юрьевича (сын Юрия Романовича?) и Федора и Василия Михайловичей с королем польским и великим князем литовским Казимиром от 21 апреля 1459 г. В договоре упомянут боярин Протасий Антонович (в конце акта записано: «А пры томъ бояре были: Протасеи Анътович...»⁷). Имя Протасий не относится к числу распространенных, и можно предположить, что в акте фигурирует отец Григория.

Отличился Григорий Протасьевич в связи с событиями 1424 (6932) г., когда «царь Куидодать (Худайдат. — И. П.) поиде ратию ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И слышав то, князь великий Витофт... послал князя Ондreja Михайловича, князя Ондreja Всеволодовича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю, Дрючских (Друцких. — И. П.) князей, князя Митка Всеволодовича, Григорья Протасьевича. Они же шедше со князем Юрьем, царя Куидадата побили и силу его присекли, а сам царь убежал»⁸. Видимо, по поводу этих событий Витовт написал письмо гроссмейстеру Тевтонского ордена, сообщающее о разгроме войска Худайдата. Сведения, содержащиеся в этом послании, находятся в некотором несогласии с данными летописей. Витовт, не называя ничьих имен, весьма эмоционально рассказывает о нанесенном татарам поражении и придает ему большое значение, но ничего не пишет о своем участии в организации отражения набега. Более того, одоевского князя, вместе с которым, как сказано в летописях, в военных действиях участвовал Григорий Протасьевич, Витовт называет «человеком московского великого князя» («ist des grosfurstes von Moskouwen man»), а земли рязанского князя, на которых татарам было нанесено поражение, — «послушными» себе («uns gehorsam sint») ⁹.

Еще раз летопись упоминает Григория под 1430 (6939) г., в октябре которого зять хана Улуг-Мухаммеда «князь ординьский Айдаръ воевалъ землю Литовскую, и прииде подъ градъ Мченескъ и стоялъ подъ нимъ три недѣли и града не взялъ, баше бо тамо Григорей Протасевъ. Айдаръ же Григорию далъ роту (Клятву. — И. П.) по своей вѣрѣ; онъ же и нявъ тому вѣру выйде къ нему изъ града. Айдаръ же веде его съ собою во Орду ко царю Махметю (Улуг-Мухаммед, внук Тохтамыша. — И. П.). Царь же Махметъ поругася Айдару и не похвали его о томъ; и почтивъ Григория, отпусти его съ честью и з дары на Русь»¹⁰. Свидригайло в письме к брату Ягайло от 9 мая 1431 г. объяснил такое поведение хана желанием подтвердить дружеские отношения с великим литовским князем¹¹.

Если первые известия о Григории характеризуют его как более или менее удачливого воеводу, то дальнейшие события его жизни показывают его человеком не чуждым политическим играм. 16 марта 1436 г. Свидригайло в письме к гроссмейстеру Тевтонского ордена жаловался, что противники распустили слух о его смерти, «в следствии чего воевода мценский Григорий, иначе Протасий, отклонился было от него вместе с многими другими городами. Однако Григорий вторично поклялся ему в своей верности, прочие же города, выключая Смоленска, покорены им снова»¹². В письме от 1 апреля того же года Свидригайло прямо указывал на активную роль в этих событиях Григория: «Все крепости, города, уезды и прочия в Руской земле находящиеся владения наши... изменою и возмущением... Григория, иначе Протасия, и Григория, прежде

⁷ ДДГ. № 60. С. 193.

⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183; ПСРЛ. Т. VI. С. 142; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 50–51 (в Архивном сп. — 6931 г.); Т. 27. С. 100, 268, 342; Т. 39. С. 142. Под 6931 г. см.: Т. 20. Ч. 1. С. 232.

⁹ Codex epistolaris vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430. Collectus opera Antoni Prochaska. Cracoviae, 1882. Monumenta Medii Aevi Historica. Т. VI. № MCLXXXI. С. 687. В публикации стоит 1425 г. Автор выражает благодарность Б. Н. Флоре за указание источника и Е. Н. Цветаевой за его перевод.

¹⁰ Никоновская летопись (см.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 9; ПСРЛ. Т. 25. С. 248. Под 6938 г. — ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 95; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 146–147; ПСРЛ. Т. 26. С. 186; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 233; ПСРЛ. Т. 39. С. 143; ПСРЛ. Т. VI. С. 144; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 54; ПСРЛ. Т. 27. С. 269, 343).

¹¹ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 94.

¹² Пересказ письма (Там же. С. 222).

бывшаго воеводы смоленскаго, отклонились и отторглись от престола нашего, с помощью божиею, снова возвращены»¹³. Вскоре Григорий Протасьевич был, по-видимому, вынужден отъехать на службу к московскому великому князю.

Осенью 1437 (6945) г. хан Улуг-Мухаммед, потерпев поражение в борьбе с сыном Тохтамышом Сеид-Ахмедом, покинул Орду и решил обосноваться в верховьях Оки у города Белева. Василий II направил туда войска для поддержки верховских князей. Литовский великий князь со своей стороны послал на помощь Григория. Софийская вторая летопись так рассказывает о тех событиях: «Посла кн(я)зь велики Василей Васильевич дву кн(я)зеи Дмитреевъ Юрьевичевъ (его двоюродные братья. — *И. П.*) и прочих кн(я)зеи, с ними ж(е) многое множество безчисленных полковъ на реку Белъву, на ц(а)ря Махмета. Суца тому в малъ от нѣкоего ц(а)ря выбегошу из Орды, и постави себѣ город на рѣце на Бѣлеве, от хвастиа себѣ исплѣт, и снѣгом посыпа, и водою поли, и смерзеся крѣпко, и хотѣ ту зимовати. Кн(я)зь же велики здумав з братиеню, хотя изженути изъ своя земля. Яко придоша на нь рустии кн(я)зи, он же убояся кн(я)зей русских, почта мира просити и дѣти своя давати в закъладѣ, яко ни чинити ему ничто ж(е) земли Руской пакости. Князи же рустии видѣвше своих вои множество, а сихъ худо недостаточство, и разгордѣшася, поидоша на них»¹⁴. В Московском летописном своде конца XV в. сообщается, что утром следующего после переговоров дня был бой, в ходе которого погиб ханский зять, и русским войскам удалось загнать татар в город. На другое утро начались переговоры: ханские послы предлагали заключить мир, но русская сторона отказывалась. «Князи же татарьстии рѣша воеводам великого князя: «а сего ли не хотите же, озритесь назад». Они же посмотривше за себя видѣша своих бежащих, гонимых никым же»¹⁵. Разъяснение дает Софийская вторая летопись: «И бѣ некто Григорей Протасиевъ сотвори крамолу, хотяше бо лестию промеж(е) ихъ миръ сотворити. Кн(я)зи же рустии емше сему вѣру, бѣ бо съи лестецъ приа (здесь должно было быть написано «приятше» или «приятель». — *И. П.*) Махмету ц(а)рю и не веляше им битися, мняще мира. А съи в то время Григорей Протасиевъ и посла ко ц(а)рю, веля им в то время приити на рустии полки с вои своими, а руским кн(я)зем обѣщас(ь) стати заодин. Ц(а)рь же Махмет собрався своим худым воемъ, поиде противу кн(я)зеи русских. А кн(я)зи превозношение во с(е)рдци ихъ имуще, поидоша противу их кличюще, яко жрети хотящи, и гордости ради и множества грѣхъ отпусти б(о)гъ на нас, худое оное малое безбожных воинствъ, одолѣша тмочисленным полком нашим, яко неправедне ходящим и преж(е) губящим. А Протасии (также и в Львовской летописи. — *И. П.*) онѣ бояринѣ ста с татары на рустии вои, а слово свое измѣни. И многое множество избиено быс(ть) русских воинъ... Тогда убиша кн(я)зеи множество и бояръ, а кн(я)зи отбѣгоша в малѣ дружинѣ»¹⁶. Несколько иначе, но в целом согласуясь с приведенным ранее текстом, описаны события в устюжских летописях. «А Григорей Протасиев, воевода мченский, учал царю норовити, а воеводам великаго князя говорити так: «Князь великий (очевидно, литовский. — *И. П.*) прислал ко мне, битися со царем не велел, а велел миритися, полки распустити». И воеводы учили слабети. И на ту ночь Григорей Протасьив послал своего человека ко царю в острог, а ркучи так: «Чтобы еси утре на рать великаго князя пришел». И того утра мгла бысть велика. И царь вышел на силу великаго князя пришел, а сторожи руския не видели, и учили русь сетчи. А Григорей Протасьив наперед всех побежал, кричючи: «Побежи, побежи». И побегоша, а татарове погнаша, секучи»¹⁷.

¹³ Там же. С. 222–223.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 69.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 69–70; ПСРЛ. Т. VI. С. 150; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 240–241; ПСРЛ. Т. 25. С. 260; Независимый летописный свод 80-х годов XV века // Библиотека литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. СПб., 1999. Т. VII. С. 400. Под 6946 г. — в Т. 23. С. 149–150; Т. 27. С. 272, 346.

¹⁷ Архангелогородский летописец (ПСРЛ. Л., 1082. Т. 37. С. 87); Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 78.

Белевский бой 5 декабря 1437 г. надолго запомнился современникам¹⁸. Поражение было тем более горьким, что с самого начала обстоятельства складывались для русских воевод удачно, а закончился поход поражением и большими потерями. Источники сообщают о гибели князей Андрея Константиновича Шонурова (из козельских князей), Федора Торусского, Андрея Стародубского Лобана Ряполовского, внуков Боброка-Вольнского — Акинфа и Полиевкта Борисовичей, Дмитрия Ивановича Каисы (из черниговского княжеского дома), Кузьмы Порховского (из смоленского княжеского дома), а также Петра и Ивана Кузминских, Семена Астафьевича Горсткина, Константина Даниловича Плещеева, Семена Федоровича Свиблова, Алексея Игнатьевича Жеребцова, Андрея Хороброва, Ивана Федоровича Кутузова, Федора и Никиты Федоровичей Туриковых, Никиты Васильевича Заболоцкого (последние трое потомки смоленских князей, утратившие титул)¹⁹. Едва ли мы ошибемся, связав поступок Григория с татарским пленом. Подробные и эмоциональные рассказы летописей о действиях Григория Протасьевича, видимо, отражают сильное и крайне негативное впечатление, которое они произвели на современников. Как бы это ни выглядело странным, но Григорий не был наказан за предательство, хотя, похоже, остался в Московском великом княжестве. Возмездие настигло его позже.

3 июля 1439 г. (6947 г.) Улуг-Мухаммед «прииде к Москве со многими силами». Василий II «не возможе противу ему стати и отъиде за Волгу, а в осаде остави князя Юрья Патрекеевича со множеством людей». На этом месте летописный рассказ о татарском походе прерван сообщением о том, что «князь великы Григорья Протасьевича поймав, и очи вымал»²⁰. Можно попытаться объяснить это тем, что в момент новой татарской угрозы всплыли факты о неприглядном поведении мценского воеводы. Но представляется невероятным, чтобы они оставались неизвестными Василию II до этого времени. Скорее, новый поход Улуг-Мухаммеда напомнил о недавнем поражении, тем более что ситуация развивалась не в пользу московского великого князя²¹. Почему же Василий II отсрочил наказание? Если вспомнить выдержки из переписки Свидригайло, то можно предположить, что мценский воевода оказал Василию II ряд услуг, связанных с реализацией устремлений Москвы, направленных на укрепление связей с верховскими княжествами, в частности с Новосилько-Одоевским княжеством. При дворе одоевского князя, может быть, оставался отец Григория — боярин Протасий Антонович. Но есть основания предполагать, что прощение было получено не только в счет прежних заслуг. В Степенной книге читаем: «В лета благовернаго и христоролюбивого великаго князя Василя Васильевича всеа Русии бе некто вельможа, именем Григорий Протасев, властельствуя во граде Мценьске. Повелением же великаго князя преселися оттуду в царствующий град Москву, с ним же приидоша множество людей»²². Обращает на себя внимание указание на переезд по приказу Василя II, хотя Григорий был вассалом литовского великого князя. Не здесь ли кроется объяснение поразительной лояльности Василя II в отношении предателя? Мценский воевода, похоже, «компенсировал» потери русского войска переселением большого числа людей из литовских владений. Во всяком случае, другими фактами, объясняющими поведение Василя II, мы не располагаем.

¹⁸ Во время одного из судебных разбирательств во в. п. 90-х г. XV в. (т. е. через 60 лет) его участник, обращаясь к судье, сказал: «Яз, господине, помню до Белева за три годы было... то селцо Коробовское за моим отцом» (АСЭИ. Т. II. № 411. С. 434).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 150; ПСРЛ. Т. 25. С. 260; ПСРЛ. Т. 27. С. 107; Родословные книги XVI в. // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 38, 51, 114, 127, 140, 146, 148; Синодик Успенского собора (Древняя Российская Вифлиотека. М., 1788. Ч. VI. С. 456); АСЭИ. Т. I. С. 598. Комментарии к № 85; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 331–332; Веселовский С. Б., Снегирев В., Земенков Б. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М., 1962. С. 536.

²⁰ Севернорусский летописный свод 1472 г. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VII. С. 326.; ПСРЛ. Т. 23. С. 150.

²¹ Татары пожгли посад и, простояв под Москвой 10 дней, ушли.

²² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Первая половина. Ч. 1. С. 615.

На московской службе остались, по меньшей мере, два сына Григория Протасьевича: Иван и Григорий. Не исключено, что у Григория был также сын Степан. В 1428–1449 г. Федор Андреевич (С. М. Каштанов видит в нем Старка Серкизова) купил у княгини Евфросиньи, вдовы дяди Василия II дмитровского князя Петра Дмитриевича, деревню Степановскую Протасова в Дмитровском уезде²³. Ермолинская летопись сохранила сведения о судьбе Ивана. Весной 1440 (6948) г. «Федко Блудовъ Сука Василья убиль да Ивана Григорьевича Протасьева утопиль. Того же лѣта и самого Федка, поймавъ, повѣсили на Коломнѣ на осокори (разновидность тополя. — И. П.)»²⁴. Лапидарность текста не позволяет уточнить обстоятельства смерти Ивана Григорьевича, но это известие ведет к ряду выводов. Недавно поступившие на московскую службу Григорий и его сын занимали видное положение при дворе: в приведенном ранее отрывке Григорий назван боярином, отчество его сына также имеет окончание «вич», что свидетельствует о высоком социальном статусе. Его убийца Федор Блудов — тоже не простой человек. Он упомянут в договоре Василия II с Казимиром IV от 31 августа 1449 г. («А Федора Блудова, а Олександрова Борысова сына Хлепенъского, и князя Романова Фоминского, и их братья, и братаничов отчыны, земли и воды, все мое, великого князя Васильево»²⁵). Как и Протасьевичи, он был связан с русско-литовским пограничьем, скорее всего, недавно перешел на службу к московскому великому князю и был, несмотря на, казалось бы, пренебрежительную форму имени (Федка) человек знатный: в договоре он назван наряду с князьями, чьи предки — смоленские Рюриковичи, и мог принадлежать к этой княжеской ветви.

В актах дважды встречаем имя внука Григория Протасьевича от другого его сына — Григория. В 1482–1502 г. Иван Андреевич Лобан Колычев купил за 150 рублей (сумма немалая) у Ивана Григорьева сына Григорьевича Протасьева его вотчину село Покровское (позднее с. Княже, на речке Сухре в 110 верстах от Москвы) с 12 деревнями и 25 пустошами, а также болотный лес, леса, луга и пожни в Мещерской и Раменской волостях («в Мещерке и Раменке») Коломенского уезда²⁶. В 1485–1490 г. при оформлении купчей Симонова монастыря на купленные у Гаврила Чемеса Ильина сына Константинова земли в Берестове стане Можайского уезда первым из послухов (это свидетельствует о превосходстве по отношению к другим свидетелям сделки) был записан Иван Григорьев сын Григорьевича Протасьевича. Структура русских имен того времени подразумевала отсылку к ближайшим предкам, но обычно ограничивались упоминанием имени отца. В данном случае мы видим повторение в имени внука имени и отчества деда. Создается впечатление, что потомки мценского воеводы не стыдились своего происхождения, а даже, возможно, гордились им. Протасьевичи, видимо, были людьми небедными, но довольно быстро начали утрачивать высокое положение при московском дворе. Григорий Протасьевич оказался самым выдающимся из членов рода, и на родство с ним претендовали даже те, кто не имел к нему отношения.

Сравнение приведенных ранее родословных с данными источников показывает, что все, кто считал себя потомками Григория Протасьевича, неверно записали начало своих родословных. Предание о Григории как мценском «вельможе», переехавшем при Василии Темном в Московское великое княжество с большим числом людей, очевидно, было заимствовано из Степенной книги. «Потомки» ссылались также на акты семейного архива. В родословной Чаадаевых о происхождении

²³ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. № 1. С. 127. Если Степан Протасов — один из сыновей Григория Протасьевича (его упоминает родословная Протасовых), то акт должен быть датирован 1437–1443 г.

²⁴ ПСРЛ. Т. 23. С. 150. Неясность с упомянутым именем Василий. Если предположить, что должно было быть записано «Василья Григорьевича Протасьева», то, возможно, здесь упомянут еще один сын Григория, что соотносится с родословной Протасовых, которая упоминает Василия, но ей неизвестны Иван и Григорий.

²⁵ ДДГ. № 53. С. 161–162.

²⁶ Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV — начала XVI в. // Советская археология. 1970. № 5. С. 84. № 8. С. 84–85 (с датировкой 80–90-е гг. XV в. — до 1505–1511 г.).

их рода сказано, что у Григория Протасьевича были: сын Иван Расл Иватя, внук Матвей и правнук Григорий Чагадай. Далее сказано: «В жалованных грамотах про тот их выезд объявлено ж. Которые грамоты даны на городы и на волости... Ивану Григорьевичю с сыном ево, а с ево Матфеевым братом с Кононом за их, и деда ево Матфеева Григорья Протасьева за выезд и те жалованные подлинны грамоты ныне в лицах и списки с тех грамот под сею и под Протасьевых росписми». Чадаевы, действительно, предъявили ряд актов, сообщив о судьбе семейного архива интересные подробности. «Которые жалованные грамоты даны были Матфею Ивановичю и сыну ево Григорью Матфеевичю за тот же выезд особные и на вотчины, и о прикупке вотчинья, и иные многие грамоты и наказы, где бывали предки наши в полках и в городех в воеводах, и те грамоты и наказы в Московское разорение, как грабили дом наш муромец Григорей Языков з братьею своею и с племянники и с холопи нашими, которые показались, пропали. И ис тех писем три грамоты выкуплены у Михайлы Федорова сына Языкова, с которых списки под сею ж росписью»²⁷. В Разрядный приказ были представлены жалованные кормленные грамоты великого московского князя Василия Васильевича. До нас дошли два акта (как отмечено при публикации, в списках конца XVI–XVII в., но в силу указанной ситуации списки, конечно, сделаны в XVII в.), из текста которых следует, что они были выданы 28 августа 1425 г. и 20 апреля 1426 г. Ивану Григорьевичю Раслу Протасьеву и сыну его Конону (одна — на волость Лузу, вторая — на мещерские города Елатьму и Кадому). Сохранилось начало еще одной грамоты Василия II («Се яз, князь (так. — *И. П.*) Василий Васильевич, пожаловал есми Матвея Ивановича Иватина да сына его...»²⁸). Обе сохранившиеся грамоты признаются подделками, таковой приходится считать и третью.

Сомнения в подлинности дошедших актов были высказаны еще Н. П. Лихачевым, указавшим на ряд признаков²⁹. Во-первых, он отметил, что подозрительно совпадает их содержание с текстом грамот Ивана IV о пожаловании Петру Протасьеву в кормление волости Луза от 16 мая 1555 г. (7063) и Федора Ивановича Келарю Протасьеву — Елатьмы и Кадомы от 5 мая 1589 г. (7097)³⁰. Сразу заметим, что это единственный неопровержимый аргумент в пользу подлога. Во-вторых, отсутствуют известия о красновосковских печатях и печатях с орлом до Ивана III (в списках указано, что подлинные акты имели такие печати). Современный историк С. М. Каштанов пишет, что красновосковская печать с государственным гербом (всадником на одной стороне и двуглавым орлом на другой) появляется только в конце XV в.³¹ Но известна

²⁷ РГАДА. Ф. 286. Кн. 241. Л. 1002–1002 об.

²⁸ АСЭИ. Т. III. № 108, 283. В комментариях на с. 146. Волость Лузу однозначно идентифицировать не удастся. И. А. Голубцов писал: «Вол. Луза нигде, кажется, в других источниках XIV–XV вв. не упоминается, она лежала, по-видимому, в верхних р. Лузы, к ю.-в. от Устюга, где впоследствии известна вол. Лузская Пермца». В «Повести об ослеплении Василия II» говорится, что заговорщики, ожидавшие из Москвы вестей от изменников, стояли в Лузе (Повесть об ослеплении Василия II. Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. СПб., 1999. Т. VI. С. 499). Очевидно, что недалеко от Москвы, тем более что, получив известие об отъезде в Троице-Сергиев монастырь Василия II и его сыновей, они «внезапно подошли к Москве». Луза указана в наиболее ранних версиях «Повести...», но в Московском своде конца XV века и последующем летописании значится «в Рузе», западном владении галицко-звенигородских князей. К западу от Москвы — поселение Луза во владениях Василия Ярославича Серпуховского (Там же. Комментарии. С. 578). Действительно, во всех серпуховско-московских договорах 1389–1456 г. Луза «с волостями» упомянута как владение удельного князя (ДДГ. № 11. С. 31; № 13. С. 37; № 17. С. 47; № 27. С. 70; № 28. С. 72; № 45. С. 129, 132, 135, 138; № 56. С. 169, 173; № 58. С. 180, 183). Логичнее искать Лузу, переданную в кормление, в местах, где «потомки» владели землями. В рязанско-московских договорах (1382–1447 г.) вверх от Коломны по реке Оке в числе рязанских мест, но на московской стороне названа Луза, «...на низь по Оце, по реке Тцне... что на Московской стороне Тцсны...» (ДДГ. № 10. С. 29; № 19. С. 53; № 33. С. 84; № 47. С. 143).

²⁹ Лихачев Н. П. По поводу трудов Ярославской губернской архивной комиссии. С. 28–32.

³⁰ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. I. 1257–1613 г. № 177, 239.

³¹ Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 165–166.

несохранившаяся жалованная грамота Чудову монастырю на сельцо Филипповское и рыбные ловли на реке Шерне в Маринине слободе Переславского уезда матери Василия II великой княгини Софьи Витовтовны от 9 ноября 1441 г., на которой, как указано в списке 20-х г. XVII в., была «печать орел»³². Известно также и о существовании красновосковых печатей у ее мужа — Василия I: в описи Посольского приказа 1626 г. значатся две «духовные великого князя Василья Дмитриевича, писаны на харатях, рука у них митрополита Фатей, у одной печать великого князя, привешена, на красном воску, а у другие печать великого ж князя на красном ж воску, да четыре печати на черном воску, а году в обеих не написано»³³. В-третьих, по мнению Н. П. Лихачева, Василий II вряд ли мог не только подтверждать, но и вновь жаловать в кормление мещерские города Елатьму и Кадому, располагавшиеся на землях, не входивших в Московское великое княжество до Ивана III. Но часть мещерских земель входила в состав великокняжеских владений еще со времен Дмитрия Донского. А. А. Горский ссылается на упоминания о них в духовных и договорных грамотах московских великих князей³⁴. Можно также указать на жалованные грамоты Спасо-Евфимиеву монастырю: Василия I от 8 февраля 1425 г. на деревню Филиповскую в Мещерске и Василия II от 17 января 1451 г., выдавшего жалованную тарханную и несудимую грамоту приписному монастырю «святый Василей на Клязме», к которому «тянут деревни Мачково, да Старково, Пурхма на Мещерке, Новоселка, Филиповское», в вотчине великого князя «в Новогородском княжении, в Гороховце». Грамота Василия II упоминает его мещерских волостелей и их тиунов³⁵. Судя по названиям деревень, они принадлежали членам родов Мячковых и Старковых, находившихся на службе московских великих князей еще до Василия II, а его современники из этих родов состояли в родстве³⁶. Ок. 1418–1419 г. тому же монастырю и на те же земли выдана жалованная грамота нижегородского великого князя Александра Ивановича. На акте — подтверждение суздальского князя Федора Юрьевича, относящееся, надо думать, к периоду с 7 июля 1445 г. по 14 марта 1446 г., когда эти земли, видимо, входили в Нижегородско-Суздальское княжество³⁷. Ок. 1449–1450 г. составлена данная, докладная нижегородскому наместнику Василия II Федору Васильевичу (Басенку) Ивана Окулова сына Кожина Спасо-Евфимиеву монастырю на половину острова Кобыляцкий песок, расположенного ниже Мещерска³⁸. Итак, мещерские земли не все и не всегда, но входили во владения московских великих князей как при Василии II, так и при его предшественниках, следовательно, возможна выдача кормленных грамот как им самим, так и его отцом на мещерские земли (одна из грамот, выданных в начале княжения Василия II, упоминает о предоставлении кормления за выезд отцу Ивана Григорьевича, которое, очевидно, произошло еще при Василии I). Подлинность пожалований ставит под сомнение другое — топоним Елатьма известен историкам с XVI в.³⁹

³² Антонов А. В., Баранов К. В. Акты из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 34. № 25).

³³ ДДГ. С. 462. Л. 11.

³⁴ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. С. 170–175.

³⁵ АСЭИ. Т. II. № 437, 452.

³⁶ По мнению А. В. Кузьмина, старший сын Андрея Серкиза, Федор Андреевич Лжа, был женат на дочери Ивана Яковлевича Мячко Анастасии (Кузьмин А. В. Крещенные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV — первой половине XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 18).

³⁷ АСЭИ. Т. II. № 435; Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки с Нижегородско-Суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 211); Назаров В. Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века. Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 81; Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 147–170.

³⁸ АСЭИ. Т. III. № 493. Чуть ниже устья Клязьмы на правом берегу Оки (АСЭИ. Т. III. Ук-ль. С. 600).

³⁹ Черменский П. Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 4–5.

Наблюдения над актами Протасьевых продолжил А. А. Зимин, отметивший, что Григорий Протасевич на службу к Василию II выехал около 1438 г., поэтому выдача актов его потомкам в 1425 и 1426 г. — анахронизм⁴⁰. Между тем, даты представленных актов вполне реальны. С очевидным анахронизмом мы сталкиваемся в случае признания Ивана Григорьевича Расла Иваты Протасьева и его сыновей потомками Григория Протасевича — участника Белевского боя, но вряд ли так было на самом деле. Самый ранний акт, связанный с «потомками» Григория Протасевича, принадлежал якобы его правнуку Василию Матвееву сыну, составившему до 7 января 1455 г. свою духовную (сп. с. XVI в.)⁴¹. Обращает на себя внимание дата. Если довериться родословной, то несколько поколений Протасевичей существуют одновременно: прадед Григорий Протасевич в 1437 г. участвует в Белевском бою, его сын Иван погибает в 1439 г., внук Иван — участник и свидетель земельных сделок в 80-е г. XV в. — начале XVI в., а правнук Василий в 1455 г. уже имеет взрослых детей (их мать упомянута в завещании в связи с тем, что младший из сыновей должен кормить ее из своих сел) и пишет завещание. Кроме того, не исключено, что отец Григория, одоевский боярин Протасий Антонович, присутствует при подписании договора в 1459 г. Очевидно, что Иватыны не могут быть потомками Григория Протасевича, зато Иван Расл, как дед Василия Матвеева сына, вполне мог получить жалованные грамоты от Василия II во в. п. 20-х г., а его отец — от Василия I. Еще один факт: внук Григория Протасевича Иван известен как землевладелец Коломенского и, видимо, Можайского уездов, а Иватыны (и судя по поздним актам — Чаадаевы) имели владения в Муромском уезде. Не совсем понятно, зачем Чаадаевы фальсифицировали (если все-таки фальсифицировали) документы на имя деда и его сына Конона, а не только на своих прямых предков. Возможно, здесь мы имеем дело с попыткой реконструкции реально существовавших, но утраченных жалованных грамот Василия II.

Духовная Василия Матвеева сына Иватына дает представление о материальном положении семьи. В окрестностях Мурома он владел, по меньшей мере, 3 селами, 2 деревнями (одна была им куплена), 3 пустошами, по одному двору за городом и в городе, в которых проживали 25 человек (не считая членов семей). Духовная упоминает, не перечисляя, и других людей, которые должны были получить свободу после смерти Василия. Он завещал вклады в монастыри в общей сумме на 16 рублей и одежду (торлопец куний, 3 куньи шубы). Кроме того, Василий велел в Муроме и по селам дать «по себе сорокоуста... девяноста куниц, да пять рублей, да опашень».

Напомним, что, согласно родословным преданиям Чаадаевых, они происходили от сына Матвея Иватына Григория Чаадая. Душеприказчиками Василий Матвеев сын назначил «своего господина» Федора Васильевича (очевидно, Ф. В. Басенок — видный член двора Василия II) и некоего Матвея Григорьева (племянника, сына Григория Чагадая?), которому он «велел... по себе правити, а ...своему господину Федору Васильевичу, бити челом о всем». Отметим, что духовная Василия Матвеевича называет его собственными сыновей Григория и Василия. В старшем из братьев, принимая во внимание путаницу в родословных, на всякий случай, следует также иметь в виду возможного Григория Чагадая. И, наконец, последнее. В комментарии С. Б. Веселовского, сделанном при публикации духовной, говорится, что прозвище Чаадай (Чагадай) носил младший из братьев — Василий (!?), но это утверждение кажется ошибочным, так как, несмотря на отсылку к троицким актам, подтверждения в них не находит. Дети Григория Васильевича были Дмитрий и Иван Черток, ставший родоначальником Чертковых. Борисовы — потомки брата Василия Матвеевича Бориса⁴². Одним из свидетелей завещания Василия Матвеевича выступает его сын Иван Борисов.

⁴⁰ Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве XVI—XVII вв. // Труды МГИАИ. М., 1963. Т. XVII. С. 409—410; Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 238. Прим. 18.

⁴¹ АСЭИ. Т. I. № 253.

⁴² АСЭИ. Т. I. С. 610. Комментарии к № 253; Т. III. С. 503. Комментарии к № 283.

Как уже отмечалось, сохранилось начало еще одной грамоты Василия II: «Се яз, князь (так — И. П.) Василий Васильевич, пожаловал есми Матвея Ивановича Иватина да сына его...». Можно предположить, что далее следовало имя Григория Чагадая. Представляется, что этот акт был предъявлен во время решения одного местнического спора в XVII в. Дьяк Федор Грибоедов(!) бил челом, что ему по указу Алексея Михайловича 20 июля 1665 (7173) г. «от соборной церкви велено иттить за образы в ход к церкви Св. Пророка Илии, что на Воронцовском поле» с другими лицами. Но Федор Грибоедов заявил, что ему «за образы для думного дворянина Ивана Ивановича Чаадаева(!) иттить не мочно». При разборе дела прапрадед П. Я. Чаадаева⁴³ думный дворянин Иван Иванович Чаадаев «положил две жалованные грамоты за красными печатями великих князей московских, каковы даны родственником ево Муромского уезду на вотчинные земли... Великого Князя Василья Васильевича 1428/29 (6938) г... Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси 1542/43 (6952) году. А в тех грамотах родственники его Матвей Иватин и сын ево Григорий Чаадай писаны з дворяны и с вичем». Напомним, что в начале несохранившегося акта фигурирует Матвей Иванович Иватин. За бесчестье Федор Грибоедов по приказу царя был отправлен в тюрьму. При разборе дела упомянуты: в акте 1605/06 (7114) г. — Семен Чагадай (как видим в начале XVII в. еще употреблялось родовое прозвище) и Семен Чертков — муромские губные старосты, и про них сказано, что «в то время губные старосты были из дворян люди знатные; а иные губные старосты в городех бывали вместо воевод. А Семен Чаадаев написан в первых, а Семен Чертков и Иван Опраксин написаны с ним Семеном, а они люди знатные»⁴⁴.

Итак, Чаадаевы располагали еще одной, третьей, грамотой Василия II и снова с красной печатью. Видимо, и этот акт был фальсифицированным. Случай неординарный. Чаадаевы упорно воспроизводили одну за другой грамоты именно Василия Темного. Объяснить это можно понятным желанием удревить и возвысить положение предков при московском дворе. Вместе с тем, очевидно, представители рода все-таки получали грамоты от Василия II, акты частично отражали исторические реалии, фальсификаторы не были разоблачены. Совпадение имени и отчества настоящего родоначальника, а также факт его выезда из Литвы стали невольной или осознанной причиной возведения рода к мценскому воеводе. Усилия фальсификаторов (?) оказались не напрасными: местнический спор выиграл И. И. Чаадаев. Его оппонент предъявил грамоту Ивана IV 1565/66 (7073) г., и Алексей Михайлович заявил Федору Грибоедову: «По тем грамотам думного дворянина Ивана Ивановича Чаадаева родственники ево в чести старее прадеда твоего Замятни за 135 лет»⁴⁵.

Опираясь на актовые материалы (не забывая об их фальсифицированном или скорее интерполированном характере), первыми известными предками Чаадаевых и их однородцев можно считать Протасия (прапрадед? Чагадая), Григория (прадед), Ивана Расла Иватя (дед), Матвея (отец, имел брата Конона), имевшего сыновей, живших в первой половине XV в.: Григория Чагадая, Бориса и Василия (последовательность рождения предположительна). Григорий Чаадай имел сына Василия и, может быть, Матвея. Если их прадед выехал из Литовского великого княжества, то это произошло при Василии I. Предположительно у Григория Чагадая были сыновья: Матвей, возможно упомянутый в духовной Василия Матвеева сына, и Василий, которому согласно родословной Чаадаевых, Иван III выдал жалованную грамоту на с. Истумино в Муромском уезде (не выявлена)⁴⁶.

Согласно «Бархатной книге», Чаадаевы «выехали из Литвы, название получили от одного из потомков выехавшаго и прозывавшагося Чаадай, но почему, неизвестно»⁴⁷. Прозвище Чагадай

⁴³ Тарасов Б. Н. Чаадаев. М., 1986. С. 5.

⁴⁴ Сказка или решение даря Алексея Михайловича по местническому делу 173 года // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. V. Смесь. С. 12–13.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 325.

⁴⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1887. Ч. II. С. 398.

восходит к мужскому имени монгольского происхождения Чагатай, широко распространенному и в тюркской среде. В основе лежит монгольско-тюркское слово «храбрый, честный, искренний»⁴⁸. Получивший такое прозвище родоначальник Чаадаевых, очевидно, обладал соответствующими качествами, и его потомки вряд ли нуждались в родстве с мценским воеводой Григорием Протасьевичем.

⁴⁸ Например, сын Чингисхана Чагатай и племя чагатай, из которого происходил Тимур (Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 223).